

Keywords: XVIII - XIX centuries, Russian Empire, Kuban, legal consciousness, Kuban cossack army, military administration, cossack self-government, frontier.

УДК 342.26(470.62)/340.5"18/20"

Проблема преемственности и эффективности правовых обычаев запорожского и черноморского казачества в конце XVIII в. - начале XX в.

Т.В. Фарои

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Статья раскрывает преемственность правовых обычаев запорожского и черноморского казачества. По мнению автора, обычное право в конце XVIII в. - начале XIX в. являлось единственным регулятором общественных отношений. В статье показано, что само черноморское казачество выступало инициатором и со-партнером государства в области законодательных инициатив. Автором проанализирован правовой акт «Порядок общей пользы», составленный войсковой администрацией в 1794 г. В статье сделан вывод об эффективности реализации норм обычного права казачества.

Ключевые слова: XVIII - XX вв., Российская империя, Запорожская Сечь, Кубань, Черноморское казачье войско, обычное право, «Порядок общей пользы», преемственность, судопроизводство.

Преемственность – одна из ключевых категорий, используемых при анализе общественного развития. Известно, что «понятие прогресса было бы невозможно, если бы между явлениями не существовало никакой связи» [1, с. 8]. Этот тезис относится и к преемственности в праве, ведь новое в праве только тогда оправдывает свое значение для общества, когда оно способно воспринимать лучшие достижения прошлого. Говоря о преемственности в праве относительно таких социальных общностей, как запорожское и черноморское казачество, прежде всего, следует говорить об обычном праве, поскольку оно, во всяком случае, в конце XVIII в. - начале XIX в., являлось единственным регулятором общественных отношений. Изучение обычного права казачества позволяет выявить истоки правопонимания, понять, из каких компонентов на протяжении ряда веков складывалось его правовое сознание. О правовых обычаях запорожского и черноморского казачества писали очень многие историки, как дореволюционные, так и советские, и современные [2; 3; 4; 5, с. 40-42]. Однако в обозначенном нами контексте данная проблема не рассматривалась, поэтому цель предлагаемой статьи состоит в восполнении указанного пробела.

Преемственность в праве, как отмечал Г.В. Швеков, имеет место, как в использовании правовых элементов прошлого (правовых норм, институтов, принципов, элементов, правовых форм, правовой терминологии), так и в сфере правотворчества и правоприменения. Анализ правовых обычаев черноморского казачества показывает, что преемственность имела место в сфере использования правовых элементов и в сфере правоприменения, в то время, как в сфере правотворчества господствовал российский законодатель. Далее это подтверждают изложенные факты.

Известно, что черноморское казачество было сформировано в 1788 г. по именному указу Екатерины II из казаков упраздненной в 1775 г. Запорожской Сечи [6, с. 25-29, 49, 81-82]. Обычай у запорожского казачества являлись единственным регулятором общественных отношений, на что обращают внимание все исследователи жизни и быта запорожцев. Так, Д.И. Яворницкий отмечал, что «как в выборе войсковой старшины и разделе земель, так и в судах и казнях запорожцы руководились не писаными законами, а стародавним войсковым обычаем, словесным правом и здравым смыслом» [2, с. 188]. На это же указывал и дорево-

люционный исследователь Ф.А. Щербина В своем капитальном труде по истории кубанского казачества он писал: «В Запорожской Сечи не существовало никаких писаных законов – ни законодательного кодекса, ни специального органа для его выработки и применения. Суд, самоуправление, административные распоряжения – все держалось на обычае и воле народа или всего войска, которая проявлялась и осуществлялась на народных собраниях или войсковых рада» [4, с. 439]. Относительно причин отсутствия у запорожцев писаных законов Д.И. Яворницким было предложено следующее объяснение: «Община казаков слишком мало имела за собой прошлого, чтобы выработать такие или иные законы, привести их в систему и выразить на бумаге... вся историческая жизнь их была наполнена почти непрерывными войнами, не позволявшими им много останавливаться на устройстве внутренних порядков собственной жизни и, наконец, писаных законов запорожские казаки даже старались избегать, чтобы они не изменили их вольностей» [2, с. 172]. Соглашаясь с названными причинами господства обычая в соционормативной сфере казачьей общности (в особенности с тем, что он выступал гарантом прочности традиционных для запорожского казачества порядков), добавим, что это доминирование не в последнюю очередь объяснялось относительной мобильностью предписанного обычая правила поведения, по сравнению с нормой права, пусть даже обычного, но зафиксированного на бумаге. Оценивая сам факт предпочтения обычая праву, заметим, что он, в частности, указывает на незавершенность процесса формирования правового сознания запорожцев, что, в свою очередь, свидетельствует о вполне определенном уровне развития их общественного самосознания.

В связи с этим, важно подчеркнуть, что процесс образования Черноморского казачьего войска сопровождался известным ростом самосознания данной социальной общности, в пользу чего свидетельствует следующее примечательное обстоятельство. Если запорожцы опасались писаных законов, усматривая в них угрозу ограничения своих вольностей, то черноморцы, напротив, пошли по пути составления писаного сборника норм обычного права, видя в этом средство спасения своих вольностей, способ самоидентификации. Поэтому сразу же после переселения на Кубань в 1794 г. войсковой администрацией был составлен «Порядок общей пользы» [7; 8, с. 47-48]. Указанный документ стал первым и последним актом правотворчества черноморского казачества. «Порядок общей пользы» не был утвержден государственной властью, однако на протяжении ряда лет являлся основным законом Черноморского казачьего войска. Давая характеристику данному документу, И.В. Бентковский отмечал, что это «единственный исторический пример децентрализации, почти полный, так сказать, *carta magna* черноморских казаков», что он «тем более примечателен, что выработан собственными, домашними силами и без участия сил посторонних, весьма часто чуждых интересам народным» [9, с. 31].

Указанный акт включал в себя 25 пунктов, в которых содержались нормы административного и судебного права. Здесь были установлены положения, регулировавшие вопросы территориального деления, порядка формирования и компетенции органов казачьего самоуправления и т.д. Кроме того, в данном сборнике нашли свое отражение и предписания нравственности, которым придавалась сила общеобязательности.

Важно отметить, что уже в первом пункте «Порядка общей пользы» закреплялось стремление казачества сохранить неизблемыми свои исконные социальные устои: «Да будет всем войсковое правительство, навсегда управляющее войском на точном и непоколебимом основании всероссийских законов, без малейшей отмены, в котором заседать должны Атаман, кошевой войсковой судья и войсковой писарь». Следовательно, черноморские казаки, декларируя верховенство российских законов, вместе с тем, в достаточно категоричной форме заявляли о необходимости сохранения традиционных для казачества институтов и принципов управления. В приведенном положении, на наш взгляд, можно усмотреть и элементы общественного договора (*suī generis*, разумеется), субъектами которого являлись Черноморское казачье войско и Российское государство, а его содержание составило «классическое» ограничение естественной свободы во имя всеобщего блага. Нормы обычного права, нашед-

шие свое отражение в «Порядке общей пользы», имели в своей основе обычаи запорожского казачества. Их действие было очень эффективным, даже после его отмены.

В данном случае черноморское казачество восприняло следующие правовые элементы запорожцев: правовую форму (признание обычного права), правовые институты и принципы (институт атаманской власти, выборности должностных лиц, органов власти, управления и суда, принцип подотчетности должностных лиц и т.д.), правовую терминологию (кошевой атаман, регистратура, повытия и т. д.).

Со второй половины XIX в. правовой обычай постепенно вытесняется из сферы регулирования государственного управления. После неудачной попытки правотворчества в начале 1820-х гг. руководство Черноморского казачьего войска полностью признало примат государственных законов Российской империи. Однако правовой обычай продолжал занимать прочное место в соционормативной регуляции – сферой его действия оставалась казачья община.

Правовой обычай в казачьей общине стал основой для решения судебных дел и во второй половине XIX в. В подтверждение этого тезиса Ф.А. Щербина писал: «Низшие суды были обычными судами. Судопроизводство велось в них по тогдашнему выражению «голословно», т.е. не канцелярским способом на бумаге, а устным разбирательством – на словах и при обязательном условии состязательного начала. Это был излюбленный способ судопроизводства, и тщетно пыталась войсковая администрация придать ему канцелярский характер» [4, с. 795].

Нами была предпринята попытка выявить практику куренных судов, однако эти поиски оказались безрезультатными. Впоследствии выяснилось, что таковая отсутствовала вообще, в силу того, что не велись никакие записи процесса. Ф.А. Щербина привел интересные сведения: «В 1834 г. земский начальник сотник Яглич, ревизуя куренные управления, нашел, что в судебные книги совсем не вносились ни судебные дела, ни решения по ним – «книги везде чисты», поскольку «судопроизводство велось всюду словесно», без письменных записей. Атаман Н.С. Завадовский предписал куренным правлениям вносить в судебные книги решения и судебные дела. Но и после атаманского циркуляра судебные книги оставались «чистыми». Ввиду этого обстоятельства, в войсковом архиве почти не осталось никаких документальных материалов о деятельности куренных судов» [4, с. 795]. Отсутствие писаного судопроизводства свидетельствует о положительных результатах реализации норм обычного права, т.е. их эффективности. Причем их эффективность основывалась не на принуждении или страхе перед наказанием, а на позитивном побуждении субъекта права к уступчивости.

Следует согласиться с мнением исследователя Л.Е. Лаптевой, что «традиционная юстиция ставит своей целью не беспристрастное применение формальной законности, а поиск справедливости, понимаемой как наиболее целесообразное, с точки зрения жизнеспособности данного социума, решения конфликта» [10, с. 107], а для этого формальности являлись фикцией.

Примечания

1. *Швеков Г.В.* Преемственность в праве. – М.: Высш. шк., 1983. – 184 с.
2. *Яворницкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. I-II. – Киев: Наукова думка, 1990.
3. *Попко И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: очерки края, общества, вооруженной силы и службы в двух частях. – СПб.: В Тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи, 1858. – 290 с.
4. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. – Т. I-II. – Екатеринодар, 1910-1913.
5. *Ломакина Т.В. (Фарои Т.В.).* Влияние религиозного фактора на особенности правового сознания черноморского казачества // *Права человека и гражданина: законодательство и практика: Мат-лы науч.-практ. конф. / Отв. за вып. О.А. Ковтун.* – Краснодар: КубГУ, 2001. – С. 40-42.
6. *Фарои Т.В.* Правовое регулирование системы государственного управления и самоуправления на Кубани (конец XVIII – начало XX веков): Монография. – Краснодар: КубГУ, 2009. – 250 с.
7. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 2830.

8. *Ерохин И.Ю.* Унификация казачьего законодательства как тенденция деятельности правительства и централизованного государственного аппарата XIX – первой четверти XX вв. // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 2. – С. 47-50.

9. *Бентковский И.В.* Заселение Черномории с 1792 по 1825 годы Иосифа Бентковского. – [Б. м.], 1880. – 216 с.

10. *Лантева Л.Е.* Исследования обычного права народов Российской империи в XIX веке // Государство и право. – 1997. – № 8. – С. 101-109.

The problem of continuity and effectiveness of legal traditions of Zaporizhzhya cossacks and Black sea cossacks in the late XVIII century - early XX century

T.V. Faroi

*the candidate of jurisprudence, the senior lecturer
Kuban state university, Krasnodar*

Article reveals continuity of legal traditions of Zaporizhzhya cossacks and Black sea cossacks. According to the author, common law in the late XVIII century - early XIX century was the only regulator of public relations. Article shows, that very Black sea cossacks was the initiator and co-partner of state in field of legislative initiatives. Author analyzes the legal act "Order of common good", composed of military administration in 1794. Article concluded, that effectiveness of implementation of customary rights of cossacks.

Keywords: XVIII - XX centuries, Russian Empire, Zaporizhzhya Sich, Kuban, Black sea cossack army, customary law, "Order of common good", legal continuity, jurisdiction.

УДК 340.14;39;316.34;316.35(470.62)19/20

Роль станичного атамана в системе обычно-правовых воззрений кубанских казаков

в XIX - начале XX вв.

Т.В. Фарои, О.В. Матвеев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Авторы статьи предприняли попытку соотнести декларируемый и реальный статус станичного атамана в обычно-правовых воззрениях кубанских казаков в XIX - начале XX вв. Исследование проведено на базе научно-исследовательской литературы, архивных и опубликованных источников, а также на материалах полевых исследований, проводившихся в кубанских станицах в течение 1993-2005 гг. В статье сделан вывод о том, что казачий атаман являлся в народных представлениях гарантом сохранения системы ценностей.

Ключевые слова: XIX - XX вв., Кубань, казачий атаман, обычно-правовая система казачества, статус, станичный сбор, потестарная власть, обычное право, полевые исследования.

П.Г. Виноградов – известный дореволюционный исследователь права – отмечал важность изучения таких правовых норм, которые установлены не законодателем и не профессиональными юристами, а возникли из народных воззрений и основаны на таких стереотипах поведения, которые лежат в основе народного понимания справедливости [1, с. 92].

В этом плане огромный интерес, на фоне возрождающихся в РФ казачьих институтов, представляет обычно-правовая система казачества. Она представляла собой вербальное «общественное предписание», выработанное применительно к непосредственному объекту правового регулирования в виде правил поведения, запретов и т.п. Формирование общественных предписаний у казачества прошло длительный и сложный путь, в результате которого субъекты обычного права, на основе преемственности и передачи из поколения в поколение исходной общественно-регулятивной информации, фиксировали действие юридических норм. Этот процесс протекал «снизу», а не «сверху», более объективно и точно выражая волю и воззрения казаков, нежели официальные положения о статусе, правах и обязанности казачьих общинных институтов [2, с. 65].